

Молочко Е. В.

Пещерные города Крыма как объект изучения и охраны историко-культурного наследия (по запискам Е. Л. Маркова)

Среди популярной краеведческой литературы о Крыме выделяются «Очерки Крыма» Евгения Львовича Маркова. В данной статье рассматривается исследование автором степени сохранности «пещерных городов» Крыма во второй половине XIX в.

Ключевые слова: «пещерные города» Крыма, культурное наследие, охрана памятников.

Актуальность исследования. В настоящее время возрос интерес к малоизученным страницам истории Крыма. Анализ творческого наследия краеведов-популяризаторов, среди которых видное место занимал Евгений Львович Марков (1835–1903) [1], позволит отобразить процесс первоначального изучения историко-культурного наследия края во второй половине XIX в. Значительный интерес у приезжих вызывали «пещерные города Крыма в высшей степени интересные памятники древности» [2, с. 369]. Подробные сведения об их сохранности содержатся в «Очерках Крыма», опубликованных Е. Л. Марковым в 1872 г. отдельной книгой [3]. В течение последующего тридцатилетия работа трижды переиздавалась в 1884 [4], 1902 [5], 1911 гг. [6].

Целью работы является исследование популяризаторских наработок Е. Л. Маркова, что позволит дополнить и систематизировать имеющиеся сведения об изучении

и охране памятников истории и культуры Крыма во второй половине XIX в.

Творческое наследие краеведа находилось почти в полном забвении, поэтому остается не в полной мере изучено. Отдельные аспекты данной темы отображены в историографии [6–11].

К памятникам историко-культурного наследия караимов относятся Чуфут-Кале и Мангуп-Кале, внутренние и нагорные (наружные) пещерные города, окруженные стенами с башнями [2, с. 411]. Чуфут-Кале был одной из главных бахчисарайских достопримечательностей. Он упоминается в источниках с первой четверти XIV в. под названием Кыркора (в разных искажениях – Кыркор, Коркери, Киркиель). До Крымской войны это было населенное местечко, а после ее окончания оно пришло в упадок. В 70-е гг. XIX в. здесь осталось только семейство караимского раввина А. С. Фирковича. В Мангуп-Кале до присоединения Крыма к Российской империи проживало до 300 семейств караимов. В

1783 г. их число уменьшилось до 70 семейств, а в 1791 г. они навсегда покинули пещерный город [2, с. 391].

Е. Л. Марков время основания Чуфут-Кале относил к библейским временам, а «открытие Фирковичем на Чуфутском кладбище надгробной надписи первого десятилетия нашей эры делает несомненным, что караимы жили в Чуфут-Кале еще до Р. Х. <...> Об этой седой древности говорит число памятников, которыми, можно сказать, сплошь засеяна довольно обширная балка, прозываемая у караимов Иосафатовою долиною» [2, с. 412]. По свидетельству автора, во второй половине XIX в. в Чуфут-Кале было «замечательных остатков немного»: «обсыпавшиеся стены, башни и дома. <...> Иные дома стоят совсем целые, со ставнями, дверями, балкончиками. <...> Вон и лавки с запертым наглухо входом, с замкнутыми железными засовами. Эти остатки, впрочем, исчезают в массах разоренных, рассыпавшихся домов и оград» [2, с. 76–78]. Несмотря на это, в городе действовали школа (медраш) и синагога, которая «окружена крепкими стенами и совсем спрятана на дворе» [2, с. 79]. В приличном состоянии поддерживались две кенасы (караимские молитвенные дома) и мусульманский мавзолей на городище. В 1886 г. их отреставрировали к приезду императора Александра III.

Одним из главных памятников Чуфут-Кале был мавзолей Ненекеджан-ханым – дочери хана Тохтамыша, умершей, как

считалось, в 841 г. хиджры или 1437 г. н. э. Относительно даты его сооружения ученые не сделали однозначных выводов: предполагаемые датировки разнятся почти на сто лет. Мавзолей сохранился практически полностью. Это был не охраняемый объект, поэтому его «ступени проросли травой, но еще ясна арабская надпись на мраморной доске – без сомнения, стих Ал-корана; склеп сверху несколько разобран». Недалеко от него находилась ханская мечеть, от которой даже «развалин не разберешь» [2, с. 79]. Автор полагал, что двухъярусная пещера на северной стороне города служила бывшей темницей ханов. Но она использовалась как хозяйственное помещение, а легендарная темница располагалась в нижнем ярусе двухэтажного пещерного комплекса на северной окраине нового города, между средней и восточной оборонительными стенами [2, с. 488]. Караимское общество Бахчисарая помогало нескольким семействам, которые жили в городе для надзора и охраны памятников. Рядом с синагогой, в том же дворе, располагались дом и библиотека известного караимского раввина Авраама Самуиловича Фирковича (1786-1874), который «охранение древностей Чуфута, возвеличение его в истории и, если можно, восстановление в нем угасшей караимской жизни сделал просто задачей всей своей деятельности. На свой счет он нанимает сторожа защищать от расхищения камни и железо мертвого города; он купил на собственные

деньги, кажется, восемь опустевших домов, чтобы иметь больше права к поддержке их. <...> Синагога в Чуфуте и школа для детей поддерживаются исключительной его энергией» [2, с. 417].

После осмотра пещерного города исследователь спустился в Иосафатову долину – «усыпальницу всего племени в течение почти двух тысячелетий» [2, с. 417], где виднелись «тысячи надгробных камней, двурогих, однорогих и безрогих» [2, с. 82]. А. С. Фикрович «прочел и списал подписи всех бесчисленных гробниц Иосафатовой долины, лежащей у подножия Чуфута и всего караимского кладбища в Мангуп-Кале. Он откопал самые древние гробницы, почти совершенно ушедшие в землю, и, с помощью их и рукописных данных, исправил и пополнил хронологию караимской истории» [2, с. 416]. На основании того, что в Мангуп-Кале надгробные памятники, «их форма и надписи совершенно те же, что в Иосафатовой долине близ Чуфута, двурогие, однорогие, плоские», автор сделал вывод: караимы «в XIII столетии жили здесь, несомненно, как это видно по надгробным памятникам. По всей вероятности, они были и последними жителями его» [2, с. 387].

Мангуп-Кале когда-то был большим и населенным городом, а во второй половине XIX в. об этом напоминали лишь остатки стен, башен и замков. Он располагался на горе, части которой носили крымскотатарские названия. Между ее крайним

западным выступом – Чамнук-буруном (мысом сосен) и Чуфут-буруном (жидовским мысом) находился Табана-дере (овраг кожевников). Евгений Львович посетил «уцелевшую передовую стену, преграждавшую овраг поперек, от Чамнук-буруна до Чуфут-буруна. Там, где эта стена примыкает к скалам Чуфут-буруна, мы осмотрели весьма любопытную трехъярусную пещеру из 4-х келий, соединенных друг с другом каменными лестницами. Очевидно, это сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вместе. За стеною потянулось обширное караимское кладбище, древние памятники которого частью вошли в скалу, частью разбросаны по лесу; впрочем, множество еще не тронута с места. <...> Табана-дере на вершине своей преграждается, как и другие всходы, стеною и круглыми, зубчатыми башнями. Под стенами еще заметны ключи, копани и бассейны из известняка, в которых караимы мочили свои кожи. Около ключей также видна большая пещера. Стана и башня с этой стороны подверглись большому разрушению. При входе с Мангупской плоскости на выступ Чамнук-буруна стоял замок в виде отдельного форта, защищавший западный край горы. От него остался теперь один обглоданный остов, не дающий понятия ни о размерах, ни о формах его. Неподалеку же видны развалины караимской синагоги» [2, с. 386–387]. За Чуфут-буруном, между ним и Гелли-буруном (мысом ветров), тянется второй лесной

спуск Гаман-дере (овраг бань), где «сохранились только стены и башни, отрезающие с южной стороны всходы и буруны. Лучшее всех уцелела та часть их, которая сбегает довольно глубоко в круглую ложину Гаман-дере; здесь еще видно в них много зубцов, бойниц, и некоторые круглые башни почти не тронуты» [10, с. 388]. За Гелли-буруном следует самый доступный скат Капу-дере (овраг ворот), который замыкается с востока неприступным крайним выступом Тешкли-буруном (мысом щели). Здесь «довольно сохранились также воротные и другие башни, замыкающие вершину последнего оврага – Капу-дере, а также отдельный замок при входе на восточный выступ – Тешкли-бурун. Замок этот – главная замечательность Мангупа и, по-видимому, служил центром его жизни и его укреплений. На восточном фасаде его сохранилась очень хорошо красивая каменная резьба около окон, которую одни считают восточного, другие греческого рисунка. По-моему, она напоминает точно так же и готические украшения. Нижний этаж сделан сводом, и сквозь него проезд готической формы на Тешкли-бурун. В стенах узкие амбразуры для ружей. Развалины христианской церкви и мечети, о которых говорят Паллас и Кеппен, находятся недалеко, против переднего (западного) фасада замка. Многие считают этот замок греческой архитектуры; но Богуш Сестренцевич в одном месте своей Истории Таврии уверяет, что старинные греки

называли Мангуп-Кале Кастрон-Готикон, «Готическим замком», и действительно, замок производит некоторое впечатление готического здания. <...> Характер цитадели, крепости в крепости, очень ясен, когда вы входите на выступ Тешкли-буруна, защищаемый этим замком. В Тешкли-буруне несомненно была тюрьма, казарма. Каменные недра Тешкли-буруна с юга и севера изрыты пещерами в несколько ярусов. В иные уже пройти нельзя, другие мы подробно осмотрели: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы, вьющиеся каменные лесенки – уцелели во многих из них; все они висят над страшным обрывом» [2, с. 388–389].

Во второй половине XIX в. власти не занимались охраной древних памятников Мангуп-Кале, поэтому догадаться можно было «о его существовании только по бесчисленным кучам мусора, покрывающим пастбища Мангупской горы. Лошади и коровы коджасальских татар привольно пасутся теперь на месте многолюдных улиц, безопасных за этими стенами. Остатки древности исчезают год за годом, и очень может быть, что через два года путешественник не найдет тех башен, которые я еще видел. <...> Теперь же с трудом можно отыскать сами развалины синагоги, церкви и мечети. Никем не оберегаемые, разрушаемые стихиями и невежеством, эти древние памятники стираются один вслед за другим с лица земли, погребая под собою историю и лишая прекрасные местно-

сти Крыма их живописнейшего и интереснейшего украшения» [2, с. 387-388].

Е. Л. Марков видел остатки значительного укрепления пещерного города Черкес-Кермен. В башне находились двойные ворота, далее – неприступная цитадель Кыз-Кулле (от татарского Девичья башня). Одним из главных памятников был пещерный храм (эклисе), который «сохранился отлично, без сомнения, по причине своей недоступности». Найти его было тяжело, так как он располагался на скале, поросшей густым лесом. Христианский храм выдолблен в огромном округлом камне. На заросшей кустарником и бурьяном двери эклисе хорошо были заметны остатки штукатурки и византийских фресок (несколько греческих надписей под образами и характерный лик Николая угодника). В особом отделении на возвышении помещался алтарь, представлявший собой «каменный престол с изображением креста и круглым углублением; в левом углу крошечный альков для трапезы; по стенам алтаря низенькие каменные сиденья» [2, с. 398-399]. Храм был недействующим, поэтому не охранялся. Древняя святыня внутри заросла травой и служила обителью для птиц и летучих мышей [2, с. 399].

Богатый пещерами Эски-Кермен располагался на отдельной горе, как Мангуп-Кале. Название города было забыто в XVI в. даже старожилами греками, поэтому его постройку относили ранее соору-

жения древнейших соседних городов Мангуп-Кале и Черкес-Кермена. Путешественники XIX в. не видели следов развалин, так как место старого пещерного города поросло лесом в XVI в. [2, с. 403]. Наверху горы (над пещерами) существовал укрепленный город, подобный Мангуп-Кале, Черкес-Кермену, Инкерману и Чуфут-Кале. Но в нем не сохранилось никаких памятников, кроме осыпавшихся и разрушенных временем пещер. У подножия скал лежали огромные камни и упавшие половины пещер. Почти во всех пещерных городах внутренние помещения пещеры были видны снаружи [2, с. 400]. Е. Л. Марков отыскал большой камень с нетронутой часовней внутри. Она была выдолблена в обрушившемся утесе и на ее стенах сохранились довольно яркие, но сильно стертые, иконопись и греческие надписи [2, с. 402].

Между грудами камней находился крепостной вход, а справа – большая пещера. Татары считали ее греческой церковью, а путешественники – остатками монастыря. Несмотря на разрушение, сохранились вырубленные своды, столбы, проходы из одного отделения в другое. Некоторые из них по положению и форме напоминали алтари с неясными остатками фресок. Первые отделения от входа были почти завалены. В левом углу стоял каменный гроб простой формы, прикрытый каменной плитой без надписей, а другой – был раскрыт и опустошен. В большой куче

обломков были куски разбитых гробов. Автор писал, что «старик Сеид-Мазин из Бахчисарая, провожавший нас в Эски-Кермен, – уверял меня, что он был несколько лет тому назад проводником графа Уварова, по распоряжению которого будто бы был раскрыт один гроб и в нем будто бы найден скелет человека с золотыми кольцами. <...> Старик добавил, что в то время эклисе была почти совсем цела, и на стенах видны были писанные красками фигуры людей» [2, с. 402]. Интерес также представлял круглый колодец в недрах скалы.

Из верхнего яруса пещер в нижний вели треснувшие лестницы. В больших пещерах, служивших конюшнями и овчарнями, сохранились каменные ясли, столбы с каменными ушками для привязи, цистерны, как в Мангуп-Кале. В меньших по размерам найдены каменные лежа, альковы для шкафов, вырубленные полочки, правильно вытесанные притолоки для дверей, а в некоторых – дымовые отверстия и следы очагов. Во всех пещерах проделаны щели для крепления брусьев, на которых устраивались койки, столы, загородки, вешалки. Выбоины были наполнены мусором, в котором обнаружено много выжженной глиняной посуды и кости домашних животных. Е. Л. Марков указывал на необходимость проведения археологических раскопок в «пещерах троглодитов», подобных эски-керменским [2, с. 403].

Вершина горы, на которой расположен древний пещерный город Тепе-Кермен, с южной и восточной стороны была унизана пещерами. Большая их часть раскрыта снаружи из-за обрушения стен, поэтому они не представляли особого интереса: своды, цистерны, столбы, ступени, как в Эски-Кермене, и никаких остатков домашней утвари. Отличительная их особенность заключалась в наличии большого количества человеческих черепов и костей в некоторых пещерах. Главной достопримечательностью являлась церковь, представлявшая узкий зал с тремя окнами, вырубленный в известковой скале. К наружной (оконной) стене примыкал алтарь. Сохранилась часть его каменных столбов, а другая частью заметна по оставшимся на потолке капителям. За алтарем находились две гробницы для «погребения избранных», врубленные в почву. Одна совсем маленькая (детская) была открыта. Далее, у поперечной стены церкви, высечено что-то наподобие купели или католической кропильницы. Низкие и глубокие ниши в двух внутренних стенах храма назначались для погребения. Автор сделал вывод, что «обилие костей, низкие размеры пещер и присутствие гробниц в подземной церкви заставляет думать, что тепе-керменские пещеры служили местом погребения какому-нибудь христианскому племени» [2, с. 425-426].

Остатков замка и крепости во второй половине XIX в. было тяжело разобрать. В

одном только месте Евгений Львович видел фундамент из больших камней. Наверное, это было тяжелое строение, четырехугольная башня, замок или что-нибудь подобное. От большинства построек остались лишь небольшие кучи мусора. Как предполагал автор, название Тепе-Кермен в переводе с турецкого – «крепость горной вершины», доказывало существование на вершине горы замка или крепости в то время, когда оно сложилось. Ко второй половине XIX в. «замок успел не только разрушиться, но и сравняться с землей почти бесследно, несмотря на то, что неприступное положение избавляло его от расхищения и порчи. Ни у одного старого писателя не находим намека о взятии или гибели тепе-керменской твердыни. Если вместе с этими обстоятельствами взять во внимание, что постройки, принадлежащие, несомненно, к XIV и XV столетиям, во многих местностях Крыма сохранились почти полностью, и что мы до сих пор любимся в Крыму древностями еще более ранней эпохи, как, например, храмами Херсонеса, – то тепе-керменское укрепление нельзя не рассматривать, вместе с Тунманном, как памятник действительно седой древности» [2, с. 426]. Готское кладбище, находившееся у подножия Тепе-Кермена, навело автора на мысль, что этот пещерный город был в числе других столовых гор одним из укрепленных пунктов готов-трапезитов [2, с. 427].

Древний пещерный город почти никем не посещался, кроме стад коз и баранов. На отвесной скале, на которой он располагался, пешие тропы заваливали осыпавшиеся известковые стены. Поэтому для посетителей осмотр большинства пещер был очень затруднительный, а иногда почти невозможный.

Менее похожим на выше перечисленные пещерные города был Качи-Кальон. Он расположен на западном склоне горы, в скальном массиве на правом берегу реки Качи. Скалы пещерного города находились в состоянии постоянного разрушения, поэтому Е. Л. Марков не нашел ни одной цельной пещеры. Он предполагал, что «года через два-три исчезнет возможность всякого посещения верхнего свода, если не исчезнут даже самые следы его». Середина горного обрыва, в которой прежде находились пещеры в несколько ярусов, рассыпалась камнями с окнами и дверями. На внутренних стенах образовавшегося алькова были видны следы пещер. В нем сохранились только глубоко находящиеся помещения [2, с. 428]. У подножья скалы, на откосе берега, располагалась новая церковь и два дома. При греках здесь был монастырь Св. Анастасии с целебным источником, обустроенный в каменный бассейн, под которым лежала старая икона, и были видны следы копоти и восковых свечей [2, с. 428]. Во второй половине XIX в. его посещали паломники, а также проводилась служба в построенной для

этого церкви. Поэтому Качи-Кальон был известен под названием Анастасия. Выше находились руины старого монастыря с подземными сводами, а вокруг него гробницы с высеченными крестами греческой формы. Интерес представлял каменный крест в нише утеса [2, с. 427]. По мнению краеведа, «древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которые до такой степени покрывают местность, что не только делают невозможным тщательное расследование развалин, но даже едва дают проход наверх, под громадный естественный альков Качи-Кальона, откуда сочится священный источник» [2, с. 428].

Интерес представлял последний, самый северный, пещерный город Крыма – Бакла, расположенный недалеко от каменистых холмов возле селения Бодрак. Одну из полуразрушенных пещер проводники именовали эклисе, но в ней не сохранилось никаких признаков храма. В скалах было высечено множество цистерн. Е. Л. Марков считал, что здесь находился склад для зерна или вина, так как под обрывом скалы Бакла, в долине, «крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромных каменных горшков или амфор, каждая величиною в бочку. Горшки эти были зарыты рядом в землю и были сделаны из отлично выжженной, чрезвычайно крепкой глины. Очевидно, и в них помещалось зерно» [2, с. 434].

Е. Л. Марков отмечал, что пещерные города – главные стратегические центры защиты – были расположены по определенному плану (система обороны гор). Проход со стороны моря в степи, в долину Черной речки охранял Инкерман, а входы между реками Черной и Бельбеком – Мангуп-Кале, Черкес-Кермен и Эски-Кермен. Качи-Кальон находился на подступах в долину реки Качи, Тепе-Кермен защищал ту же долину и проходы между Качей и бахчисарайской долиной Чурук-Су, над которой возвышался Чуфут-Кале. Бакла была последним укрепленным пунктом со стороны гор в районе Альминской и Бодрацкой долин [2, с. 437]. Автор обнаружил остатки древних укреплений, которые связывали между собой пещерные города. В деревне Чоргун (недалеко от Инкермана, на Черной реке) он видел уцелевшую древнюю восьмиугольную башню, защищавшую долину со стороны Южного берега Крыма. Далее, по направлению к Мангуп-Кале, следовало исчезнувшее ко второй половине XIX в. укрепление, на месте которого в конце XVIII в. была деревня Бей-Кирман («Княжья крепость»). Между поселениями крымских татар Биюк-Сюйрени и Кучюк-Сюйрени на левом берегу реки Бельбек в урочище Исаралты (Исар – крепость) располагалась двухэтажная башня Сюйрен-Кулле. От нее сохранились ворота, следы византийской живописи на стенах. Башня служила наблюдательным пунктом между горными

укреплениями по обе стороны Бельбека и охраняла вход в долину. Два укрепления охраняли горные проходы между Бельбеком и Качей. Керменчик был практически уничтожен и это название носило урочище на левом берегу Качи. Развалины Керман-Кале были видны на горе, над татарской деревней Керменчик, расположенной на верховье правого притока Бельбека (Керменчика). Около Баклы располагалось два укрепления, служивших горным жителям центрами защиты от кочевников. Сарамбаш-Кале возвышался над селением Мангуш, между реками Альма и Бодрак, далее следовал Сарысап-Кермен (на реке Альма). На их месте остались лишь стены и кучи мусора от разрушенных зданий [2, с. 437–439].

По сведениям Прокопия, для защиты готов от набегов вражеских племен византийский император Юстиниан построил Готскую стену, основал несколько укреплений: Алустос (Алушту), Горзубитут (Гурзуф), а также восстановил разрушенные стены Босфора (Керчи) и Херсонеса [2, с. 440]. Е. Л. Марков посетил развалины Готской стены в Крымских горах, известные под названием Таш-Хабах: на склоне Чатыр-Дага, вдоль Караби-Яйлы до дороги из Ускюта в Карасубазар. Она продолжала систему укреплений пещерных городов и преграждала подступы в горы с севера, со стороны степи. Бухты, побережье и долины на Южном берегу Крыма были защищены системой замков и крепостей,

примыкавших около Чоргунской башни (в верховьях Черной речки) к северо-западной укрепленной линии пещерных городов. От них сохранились многочисленные развалины замков и крепостей в Алуште, на Кастели, Аю-Даге, скалах Гурзуфа, мысе Никите, выше Аутки, у Ялты, в Орианде, на мысе Ай-Тодор, в Лимене, Кикинеизе, Мухолатке, на мысе Айя, в Балаклавe, представлявших связную оборонительную линию. Автор доказывал, что готы обитали на Южном берегу Крыма от Алушты до Балаклавы, поэтому замки были выстроены для их защиты [2, с. 440]. В XV в. Южный берег Крыма оказался под властью генуэзцев, в важнейших торговых пунктах в Чембало (Балаклавe), Луске (Алуште), Пертинике (Партенит), Горзоне (Гурзуф), Ялите (Ялте) были учреждены консульства. По мнению автора, эти замки были не генуэзского происхождения, а готского [2, с. 441]. Он приводил сведения о пребывании готов в Крыму до XV–XVI вв., подтверждая это существованием в Крыму готской епархии, подчиненной в конце IV в. константинопольскому патриарху. В древних городах, где обитали готы с IV в., вследствие их смешения с греками, сохранилась византийская живопись, греческие надписи [2, с. 443]. Они проживали в местности, где располагались пещерные города Инкерман и Мангуп-Кале, Черкес и Эски-Кермен, до долины реки Бельбек, где на месте Сюйрен-Кулле у них был значительный город. Автор считал, что обита-

ние готов в других пещерных городах, к северу от Бельбека вероятно, но не было доказано [2, с. 445].

Выводы. Таким образом, во второй половине XIX в. крымоведение обогатилось научно-популярной литературой, объектом изучения которой являлось описание достопримечательностей Крымского полуострова. Одной из крупнейших работ подобного жанра стали «Очерки Крыма» Е. Л. Маркова. Значительное место в них занимает свод информации о пещерных городах. Автор обращал внимание правительства на необходимость проведения комплексных охранных мероприятий, направленных против уничтожения и разрушения исторических древностей, а также на предотвращение расхищения находок в результате грабительских раскопок. В этой связи популяризаторские наработки Евгения Львовича Маркова служат ценным источником, в котором отображены сведения о степени сохранности историко-культурного наследия Крыма во второй половине XIX в.

Литература

1. Венгеров С.[А.] Марков Евгений Львович / С. А. Венгеров // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб., 1896. – Т. 17 А. – С. 659–660.
2. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – К. : Стилос, 2009. – 512 с.
3. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – СПб., 1872. – 505 с.
4. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 2-е изд. – СПб.-М., 1884. – VII, 593, III с.
5. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 3-е изд. – СПб., 1902. – 224 с.
6. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 4-е изд. – СПб.-М., 1911. – XI, 520, –IV с.
7. Мильков Ф. Н. Е. Л. Марков (1835–1903), забытый русский географ XIX века / Ф. Н. Мильков // Известия Русского географического об-ва. – 1993. – Т. 125, вып. 45. – С. 75-79.
8. Аминева В. Р. Литературно-критическая деятельность Е. Л. Маркова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / В. Р. Аминева. – Воронеж, 1994. – 19 с.
9. Коростина Г. Г. Очерковая проза Е. Л. Маркова: идеология, проблематика, стиль: дис. ... канд. филолог. наук / Г. Г. Коростина. – Орел, 2005. – 207 с.
10. Непомнящий А. А. Развитие исторического краеведения в Крыму в XIX – начале XX века: Учебное пособие / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Таврия, 1995. – 105 с.

11. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в

ХІХ – начале ХХ века / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 1998. – 208 с.

Серед популярної краєзнавчої літератури про Крим виділяються «Очерки Крыма» Євгенія Львовича Маркова. У даній статті розглядається дослідження автором ступеня збереження печерних міст Криму в другій половині ХІХ ст.

Ключові слова: печерні міста Криму, культурна спадщина, охорона пам'яток.

Among the popular local history literature about Crimea, the «Sketches of Crimea» by Yevgeniy Lvovich Markov are distinguished. In this article the author of the study of preservation of cave towns of Crimea in the second half of the XIX century.

Key words: cave cities of Crimea, cultural heritage, protection of monuments.